

18+

НАТАЛЬЯ КОВАЛЕНКО

СКАЗКА ПРО ЛУКУ,

или ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕБЕНКА,
КОТОРЫЙ ХОТЕЛ БЫ ЖИТЬ
В КАЖДОМ ВЗРОСЛОМ

иллюстрации А. МЕРЕЖНИКОВОЙ

Наталья Коваленко

**Сказка про Луку. Или
возвращение ребенка, который
хотел бы жить в каждом взрослом**

«Издательские решения»

Коваленко Н.

Сказка про Луку. Или возвращение ребенка, который хотел бы жить в каждом взрослом / Н. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518542-6

Философская сказка-притча о солнечном мальчике Луке, который путешествует по Земле и пытается пролить свет на мир людей. Ему открываются многие двери: в кабинет большого начальника и в игровую комнату ребенка, в таежную избу и в бар мегаполиса, в деревянную лодку рыбака и на борт современного самолета... За каждой дверью — ребенок, несмотря на возраст, отзывающийся на голос детства. Следуйте за Лукой и его Вселенной — и узнаете, может ли кто-то стать другим солнечному мальчику на планете людей.

ISBN 978-5-00-518542-6

© Коваленко Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1.	7
1	7
2	8
3	9
4	11
5	14
6	16
7	19
8	21
9	22
10	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сказка про Луку Или возвращение ребенка, который хотел бы жить в каждом взрослом Наталья Коваленко

А. Мережникова *Иллюстратор*

© Наталья Коваленко, 2023

© А. Мережникова, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0051-8542-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

#

#

#

#

#

– Как тебя зовут, малыш?

– Лука.

– Красивое у тебя имя.

– Это потому что мой отец – Свет.

– А как ты ко мне попал?

– Я постучался...

– И я открыл?

– Ты – да. Но открывают не все...

Имя Лука (др. греч.) – «Свет» или «Светящийся»

Часть 1. Планета Детей

1

Дверь открыли. Лука вошел.

В комнате было светло и уютно. Пахло орехами и карамелью. На выцветших голубых обоях открывалось бездонное небо, которое бороздили аэропланы и дирижабли. На длинных полках стройными рядами стояли книги и запылившиеся солдатики.

Окно было распахнуто, и свежий весенний ветер трепал белую кружевную занавеску. Время от времени она влетала в комнату и накрывала собой письменный стол, лампу, учебник и склонившегося над ним мальчика. Его детская поза кричала о досаде.

Мальчик громко вздохнул.

– Ты не пойдешь гулять, пока не выучишь историю! – услышал Лука мягкий, но в то же время настойчивый женский голос, донесшийся из соседней комнаты. – Сынок, так дело не пойдет! История – не самый сложный предмет, а у тебя по нему тройка! Если б не история, ты был бы круглым отличником! Разве тебе не обидно?

Мальчик вынырнул из-под занавески, и Лука увидел большие умные глаза ребенка.

– Мама, я же тебе говорил! Ну, не могу я учить эту историю! Не люблю я ее! Что за предмет?! Сплошные войны и кровавые воскресенья! Вот! На завтра надо выучить даты! Смотри: убили, свергли, война, восстание, расстрел! Зачем мне все это?! Вот если б история была про хорошее!

На последней фразе мальчик мечтательно поднял глаза.

Лука открыл свою записную книжку и вписал в нее: «Если бы уроки истории были про хорошее, возможно, и дети вырастали бы другими, а став взрослыми, творили бы совсем другую историю».

«А ведь он прав, – услышала женщина Внутренний Голос. – Почему я об этом никогда не думала?»

Осознание было настолько резким и ясным, что проявленная только что строгость к сыну показалась бессмысленной и неуместной.

– Ладно, сынок, иди погуляй. Только обещай, что сегодня мы вместе уж как-нибудь выучим эти даты! А когда вырастешь, поменяешь ход истории – чтобы она всегда была про хорошее!

Женщина улыбнулась. А Лука, прихватив Внутренний Голос, отправился дальше.

Лука понимал детей. Их язык был ему понятен. А чтобы понимать взрослых, Луке часто приходилось пользоваться карманным словариком, который за время путешествий изрядно потрепался.

2

Другая дверь оказалась вовсе не заперта.

Лука огляделся. Полная Луна сияла на небе. Свет ее отражала река. На мосту стояли двое. Девушка зябла и куталась в вязаный шарф. Молодой человек не решался ее обнять.

«Свидание», – улыбнулся Лука...

– Знаешь, – сказала она, глядя на звезды, – когда я была совсем ребенком, засыпая, я часто испытывала странное чувство. Такое бывало только в детстве. Вроде сон, а все же как наяву! Словно выходишь из своей оболочки и становишься чем-то огромным. Как Вселенная! Вбираешь в себя всё-всё! Даже звезды! И вдруг понимаешь, что всё в этом мире зависит от тебя одного. Каждый твой поступок, мысль, вдох и выдох оборачиваются для Вселенной и каждого в ней лавиной последствий. Потом это ощущение сменяется новым: ты становишься очень маленьким, а нечто большое поглощает тебя. И наступает страх, потому что теперь ты бессилен и зависишь от дыхания поглотившей тебя бесконечной Вселенной.

Девушка замолчала. А молодой человек притянул ее к себе и крепко обнял.

– Смешные вы, девчонки! Вместо того, чтобы сказать «Обними!», придумываете истории про всякие там вселенные, – сказал он.

Услышав его резюме, она решила, что больше не станет делиться с ним подобными воспоминаниями. А то он сочтет ее глупой.

«В следующий раз поговорю с ним о серьезном – об истории, например», – заключила она, перевела взгляд на молодого человека и увидела звезды, отражавшиеся в его глазах.

«И тут Вселенная!» – подумала она. Но не сказала ни слова.

«Чудная она», – подумал он.

А Внутренний Голос шепнул ему: «А ведь с тобой тоже такое бывало в детстве. Просто ты забыл. А она вот помнит».

Двое продолжали стоять, обнявшись. А Лука медленно выводил в своей книжице: «Дети никогда не делают зла, потому что память их совершенна. Они помнят о том, кто они для Вселенной».

Лука перечитал свои записи. Их было две, но заняли они целую страницу.

– А вдруг не хватит места? – встревожился он.

– Будем писать между строк, – успокоил его Внутренний Голос.

– Но дети не умеют читать между строк, – возразил Лука.

– Все дети рано или поздно становятся взрослыми – тогда и прочтут.

Лука облегченно выдохнул.

– Ну, тогда места еще много!

Он закрыл записную книжку, и Луна покровительственно бросила на ее обложку свой серебряный свет.

3

Лука вошел в класс.

Ученики склонились над партами и старательно вписывали в тетради то, что выводил мелом на доске их учитель: «Девятое сентября.

Тема: «Крылатые фразы, пословицы и поговорки»

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Учение – свет, неученье – тьма.

Бьют по одной щеке, подставь другую».

Лука перечитал несколько раз. Ему понравилось выражение «крылатые фразы». Но ни одно из предложений не показалось ему крылатым.

Меж тем, Внутренний Голос цеплялся за щеку, которая ныла всякий раз, когда Лука представлял, как ему предстоит подставить другую.

«Зачем взрослые учат одних бить, а других – подставлять щеки? – подумал Лука. – Ведь если одни станут бить, а другие – подставлять щеки, последних и вовсе не останется. А те, что бьют, станут бить друг друга! Разве не так разворачиваются войны?!»

Лука и не заметил, что луч света соскочил с обложки его записной книжки, солнечным зайчиком запрыгал по темной поверхности школьной доски и замер там, где был прикован взгляд Луки.

Отблеск был так ярок, что ученики не смогли разобрать в предложении, которое он освещал, ни одной буквы.

Учитель поставил точку. Отошел на некоторое расстояние от доски, чтобы перечитать написанное. Взгляд его остановился там, где дрожал солнечный зайчик.

«Детям, наверное, не видно. Сотру. Напишу в другом месте».

Следуя Внутреннему Голосу, учитель стер предложение.

Раздался звонок. Зашуршали тетрадки. Лука заглянул в одну из них:

«Девятое сентября.

Тема: «Крылатые фразы, пословицы и поговорки»

Без Труда не выловишь и рыбку из пруда.

Семь раз отмерь, один раз отрежь.

Учение – свет, неученье – тьма».

Дети выпорхнули из класса. Их звонкий смех полетел вместе с ними по коридорам. И солнечный зайчик устремился за ними.

В классе стало тихо...

Учитель стоял у доски и слушал Внутренний Голос:

«Это верно, что стер! Нельзя на бегу. Фраза, вырванная из контекста, может быть неверно истолкована... Неверно понята... Неверно использована... Разве не так разворачиваются войны?»

– Да уж! – выдохнул учитель. – Фраза, вырванная из контекста, как дерево без корня. Ни цветов не даст, ни плодов! Только ветки сухие да палки... А дети ведь как? Из палки скорее рогатку сделают или костер разожгут... А если почву подготовить, то и корни пойдут... Будет другой результат! А там, где корни, там и крылья... Да уж! – снова выдохнул учитель. – Как много зависит от нас, взрослых!

Он вымыл доску и на чистом прямо по центру написал:

«Десятое сентября.

Тема: «Побеждай зло добром: бьют по одной щеке, подставь другую».

Он закрыл кавычки и удовлетворенно вслух произнес:

– Посвящу этой теме отдельное занятие.

Солнечный зайчик одобрительно кивнул и засиял на доске.

Лука сел за парту. Раскрыл записную книжку.

«Крылатые фразы не должны ломать крылья», – написал он.

4

В кабинете Большого Начальника было неуютно.

На столе беспорядочно лежали бумаги. На тумбочке стояла массивная чашка с изображением двуглавого орла. В остатках недопитого чая печально плавал чайный пакетик. На стене висел портрет Главного.

Перед Большим Начальником стоял Маленький Человек и смотрел обреченно куда-то вглубь себя. Он не слышал, как Большой Начальник критикует его, как требует выйти в выходные на работу, как грозит лишить его премии. Маленький Человек был где-то далеко в своих мыслях, точнее – в детстве. Он сидел в вязаном костюмчике на резном стульчике, и бабушка кормила его из ложки манной кашей. Бабушка всегда подбадривала внука, когда тот ел или делал что-то полезное. Но делала она это всегда весьма своеобразно.

«Молодец, внучек, – говорила она. – Будешь хорошо есть, станешь сильным, как твой брат... А вот, посмотри, как учится умница Лидочка. Бери с нее пример!»

Маленький Человек рос и знал, что где-то, скорее всего, прямо рядом с ним, всегда есть кто-то непременно лучше него. И брат, и Лидочка, и все, с кем его сравнивали, вызывали острое чувство досады. Что бы он ни делал, к чему бы ни стремился, этот кто-то всегда был на шаг впереди.

Маленький Человек вышел из кабинета...

Он плыл по коридору и мысленно перебирал в голове своих коллег. Он понимал, что все они удачливее его.

«У этого машина новая. У того кабинет светлее. Третьему жена досталась красавица. У четвертого зарплата выше!» – крутилось в его голове.

К моменту когда Маленький Человек причалил к своему рабочему месту, он сжался до размеров большого взрыва.

Как Лука ни старался вернуть его внимание в сиюминутную реальность, Маленький Человек все равно держался заданного курса. Он не заметил, как мимо него кротко проплыла она – первая красавица предприятия. Девушка давно заприметила молодого инженера и надеялась ему понравиться. В ее глазах он выгодно выделялся среди других, особенно на фоне Большого Начальника. Инженер был действительно умен, опрятен и подтянут...

Но Маленький Человек был занят своими мыслями. Он не замечал ее.

Не замечал он и того, как поглядывали на него коллеги, видя в нем прямого конкурента и, вероятно, будущего руководителя. Ведь только его приглашали в кабинет к Большому Начальнику. И только ему было по силам справиться с выдаваемыми там поручениями...

Лука постучал.

Дверь открыла милая пожилая женщина.

«Бабушка», – подумал Лука.

«Показалось», – решила женщина, не увидев никого на пороге.

В квартире пахло манной кашей. На красивом резном стульчике сидел мальчик и старательно пережевывал манку.

«Похоже, перегнула вчера, – шепнул бабушке Внутренний Голос. – Слишком уж он старается. Кашка ведь жидкая совсем – без комочков. Чего ее жевать-то так старательно? Еще и добавку просит! Ой, перегнула вчера! Надо его похвалить».

– Молодец, внучек! Вчера бабушку расстроил: совсем плохо ел. А сегодня порадовал! Будешь всегда хорошо есть, вырастешь Большим Человеком!..

Лука вернулся в кабинет. Огляделся.

Это был тот же кабинет Большого Начальника. Только было в нем светло и уютно. Документы аккуратно разложены. Ничего лишнего. На стене – фото коллектива сослуживцев. Улы-

баюющиеся, они окружили его – своего Начальника – того самого мальчика, который так старательно пережевывал бабушкину кашу. На столе в рамке стояла фотография семьи. На обороте фотокарточка была подписана: «Мы всегда с тобой. Твои Лидочка и дети».

– Здесь я больше не нужен, – убедился Лука.

В его книжке появилась запись номер четыре: «Если бы взрослые учили детей сравнивать самого себя сегодняшнего с собой вчерашним, в мире было бы меньше Маленьких Людей. Сравнение с другими при неумении каждый день расти над собой и ценить это – путь к зависти и саморазрушению».

5

Лука огляделся, прищурившись.

«Похоже, бар», – подумал он.

– Детям тут явно не место, – подтвердил Внутренний Голос.

У барной стойки на высоких стульях сидели две молодые женщины. Последний раз они виделись на школьном выпускном. И теперь, спустя десять лет, встретились на вечере одноклассников.

Стрелка часов приближалась к полуночи. Остальные одноклассники давно разошлись. Официанты убирали со столов. А подвыпившие школьные подруги никак не могли наговориться и расстаться. Они уже выкурили пачку сигарет, обсудили наряды, перебрали общие воспоминания. Осталось главное.

– Ну, а как твой?

– Мой ничего. Пьет ...пи-пи... правда иногда. А так ничего.

– А дети есть?

– Ага. Пацан в школу пошел. А малая – через год.

– А мой чего-то не говорит. Скоро четыре стукнет. А он, паразит, молчит. Так и в школу ...пи-пи... не возьмут.

– Не знаю, что лучше, – с чувством произнесла подруга. – Мои рано заговорили, ...пи-пи... и сразу матерно. Откуда принесли, не знаю! До сих пор ...пи-пи... не можем отучить.

Лука достал из кармана словарик.

«Пи-пи, – прочел он, – нецензурная брань, скверные слова – языковые метки, определяющие высокую степень засоренности, а чаще – гнилости языка и души человека».

Лука быстро закрыл словарик и поспешил удалиться.

Часы показывали далеко за полночь.

Официанты завершили свою работу. Администратор вежливо попросил гостей покинуть заведение.

Свет погас.

«Пока дети не научатся говорить, у них нет других слов, кроме тех, что им вручают взрослые. Надо не забыть вписать!» – подумал Лука, выйдя на свежий воздух.

6

Маленькая Вера не любила телевизор.

Каждый день она ждала, когда с работы вернутся ее родители. Потом ждала, когда они за ужином поговорят о работе. Вера сидела тихонько и внимательно следила за тем, как еда перемещается из кастрюль, казанков и сковородок в тарелки, черпается ложками, измельчается ножами, нанизывается на вилки. Девочка верила, что с каждой съеденной ложкой тем для обсуждения становится меньше. Когда тарелки пустели, Вере казалось, что вот-вот родители обратят на нее внимание, и тогда она покажет им новое платье для куклы, которое она сшила из маминой перчатки, и ласточку, которую она научилась делать, балансируя на одной ноге, и многое другое. Ведь мамы и папы весь день не было! А ей так много надо было им рассказать!

Но потом наступал телевизор.

Он снова отнимал маму и папу у Веры. Сначала новости. Потом прогноз погоды. Все это было так важно для взрослых!

А Маленькая Вера ждала и верила, что она все же важнее телевизора. Она ждала и тогда, когда мама и папа что-то неотложное писали в своих телефонах, и когда расходились по разным комнатам, чтобы поговорить со своими друзьями. Она слышала обрывки фраз: о проблемах на работе и потерянной перчатке, о предстоящем отпуске и далеких теплых странах.

Маленькая Вера ждала.

А потом засыпала в пустой гостиной, где что-то для взрослых продолжал вещать телевизор...

Папа вошел в комнату. Ласково посмотрел на Маленькую Веру. Взял ее на руки и понес в детскую комнату.

– Тяжелая стала, доченька! И когда ты успела так вырасти?..

Вера спала. Ей снился сон. В нем рядом с ней были мама и папа. Маленькая Вера танцевала. А они кружились вместе с ней.

Но вдруг возник телевизор, который с нездоровым возбуждением заговорил о заморских странах. Родители стали вальсировать в сторону экрана, приговаривая: «Хорошо там, где нас нет». Вальсируя, они удалялись и становились все меньше и меньше. А Вера – все больше.

Экран погас. Музыка стихла. Вера осталась одна.

– Здравствуй, Маленькая Вера.

– Здравствуй, Лука. Хорошо, что ты зашел. Без тебя темно.

– Я побуду с тобой.

– Лука, а почему взрослым хорошо там, где нас нет?

Лука задумался, вспоминая расхожую фразу.

– Нет, Маленькая Вера, взрослым хорошо, где их нет. Во всяком случае, они так говорят.

– Но ведь это неправда. Мне хорошо, где они есть.

– И им хорошо, где ты есть. Им хорошо там, где есть их Вера, – поспешил успокоить ее Лука.

– Останься, Лука.

Лука остался. Маленькая Вера уснула.

Она спала и росла, как растут во сне все дети...

Лука старательно вывел: «Хорошо там, где нас нет». И тут же жирной чертой перечеркнул эту фразу.

В его записной книжке появились слова: «Хорошо там, где мы есть».

«Какая все же она еще маленькая! А ее вера во взрослых такая большая!» – подумал Лука, глядя на спящую в детской кровати девочку...

Лука почувствовал, что устал. Для отдыха он выбрал тихую поляну на высокой горе поближе к звездам. Он не любил темноты. А темнота сторонилась его. Там, где был он, всегда было много света.

Он спал. На поляне то там, то тут вспыхивали светлячки. Луна любовалась Лукой и укрывала его отраженным светом Солнца...

Наступило утро. Лука потянулся, раскрыв объятия большому горячему Солнцу. Лучи ласково коснулись его, оставив золотой след на волосах и ресницах. Поляна сияла. Трава была украшена алмазами утренней росы. И в каждой капле отражалось Солнце.

Лука любил утро. Любил пробуждение. Он словно выныривал из темноты морских глубин и всем телом вдыхал свет и воздух.

– В путь! – произнес Лука.

– Нас уже ждут! – подбодрил его Внутренний Голос.

7

У подножья горы в окружении старого полузасохшего оливкового сада стоял красивый каменный дом.

Черепичная крыша, местами выцветшая до песочного, местами потускневшая до серого, казалась пегой и делала дом живым. Он словно выглядывал из-под рваной челки и подмигивал небольшими глубокими оконцами, украшенными кружевными занавесками. Подмигивал и смеялся. Так казалось, потому что из сада, раскинувшегося у дома, доносился детский залистый смех.

«Совсем кроха, – подумал Лука. – Давно я не общался с такими маленькими».

– Давай зайдем, – сказал Внутренний Голос. – По-моему, это мальчик.

Кроха-малыш, которому едва исполнилось девять месяцев, сидел на руках у старой няньки. Он показывал пальчиком и полными надежды большими светлыми глазами в сторону сада. Недовольная нянька раздраженно одергивала его руку и, скрипя, приговаривала:

– Никаких гулек! Вот вернутся твои вечно занятые родители с работы, пусть с тобой и гуляют. А у меня ноги болят. Скажи спасибо, что на руках держу!

Малыш понимал ее одергивания как игру. Его пальчик всякий раз вырывался из ее костлявой ладони и снова взмывал вверх, указывая на тропинку, ведущую к саду. Игра доставляла ему радость. Он заливался звонким колокольчиком смеха.

– Какой упертый ребенок! – ворчала нянька.

А ребенок отвечал «Ах!» и с восторгом тянулся к порхавшей над ним бабочке.

– Никаких «Ах!»! Извертелся весь! Сейчас же пойдешь в кровать!

– Ах! – продолжал делиться восторгом ребенок, ведь у бабочки были такие красивые крылья.

«Чем бы их потравить, – думала старая женщина. – В этом году развелось много гусениц, а у меня на них аллергия».

– Ах! – продолжал любоваться воздушным танцем малыш.

– Будет тебе «Ах!» – брюзжала нянька, рыская глазами. – Чем бы прихлопнуть эту моль?

Лука постучался. Дверь не открыли.

– Не убивай! Ты прервешь полет и сломаешь малышу крылья! – закричал Внутренний Голос.

Но старая нянька давно была глуха и слепа.

Лука был бессилен. Он закрыл лицо руками, и в то же мгновение малыш горько заплакал.

– К ней поздно стучаться, – печально заключил Внутренний Голос.

– А к нему – рано! – с досадой выдохнул Лука, глядя на плачущего малыша.

– Навестим его, когда подрастет.

– А будет не поздно? – с беспокойством спросил Лука.

– Посмотрим, – ответил Внутренний Голос.

– Когда малыш подрастет, – повторил Лука и сделал пометку в календаре.

В его записной книжке появились слова: «Если бы взрослые не переставали удивляться, очаровываясь каждым днем, событием, предметом и живым существом, они бы не старели. Мир был бы красивее».

Лука пошел туда, куда так настойчиво звал малыш.

Тропинка вела в сад. Оливки созрели и серебристо-зелеными бусинами висели на тонких ветках. Деревья были старыми. Их кривые массивные стволы причудливо изгибались, подставляя спины молодому урожаю. Земля под деревьями была устлана цветущими коврами ароматных цветов. И над всем этим порхали бабочки.

Лука сел под дерево. Достал из кармана словарик.

«Моль, – прочел он, – бабочка, которую люди невзлюбили по причине того, что та ест их вещи, сшитые из шкур убитых животных».

– Чудные эти взрослые! Даже не верится, что все они когда-то были детьми!

8

Дом, нагретый за день, щедро делился теплом со своей хозяйкой даже ночью.

Молодая женщина не могла уснуть, изнывая от жары. Она распахнула окно. Из леса повеяло прохладой. Послышался негромкий почмокивающий плач ребенка. Женщина подошла к колыбели, склонилась над ней и взяла на руки младенца – девочку трех дней отроду...

Дверь в комнату была открыта настежь. Струился свет.

Лука вошел.

– Ты, наверное, голоден? – ласково спросила женщина.

– Нет, – шепотом ответил Лука, боясь разбудить младенца.

– Может, ты хочешь пить?

– Нет. Спасибо. Я на минутку. Мне надо идти, – поспешил ответить он.

– Незачем ребенку ночью бродить одному: лес кругом. Оставайся. Я тебе постелю.

Лука остался. На столе горела одинокая свеча, отбрасывая на стены едва различимые блики. Женщина сидела у колыбели.

«Как моя девочка узнаёт, что я ее мама?» – прочел Лука ее мысли.

«Она совсем как ребенок», – подумал Лука.

– Любовь подсказывает, – напел женщине Внутренний Голос.

Свеча погасла, но Лука отчетливо различал свет, исходящий от матери, склонившейся над колыбелью ребенка...

Лука проснулся рано. Дом еще спал.

Лука поймал луч восходящего Солнца и направил его в сторону маленького зеркальца. Оно замерцало и разбросало по дому солнечных зайчиков. Один из них засиял на лице младенца. Девочка улыбнулась: ей снился сон.

Лука записал: «Дети светятся. Их свет чист. Он – ласка, доброта и любовь. Таков их язык для познания мира. Если бы взрослые заботились не о том, как к ним относятся окружающие, а о том, что они несут окружению, возможно, и они бы светились».

9

Как и все дети, Лука любил рисовать. И краски он любил яркие.

День выдался дождливый и пасмурный. Лука спрятался от дождя на высоком берегу реки, поросшем большими лопухами. Они настолько надежно защищали от падающих с неба капель, смыкая зонты зеленых листьев, что дневной свет едва пробивался под их покров.

Когда дождь стих, Лука выбрался из своего укрытия. Совсем близко он увидел небольшой хутор. Дома скученно стояли на берегу почти у самой воды и казались промокшими и печальными. Небо все еще было затянуто тучами.

Лука вышел на малозаметную проселочную дорогу. Под ногами захлюпала топкая грязь.

– В плохую погоду хороший хозяин даже собаку не выгонит на улицу, – запричитала женщина, выглянув в окно и увидев Луку, бредущего по вязкой дороге. — Что за погоды нынче стоят! Нет просвета!

С этими словами женщина задернула плотную занавеску.

Просвета и правда не было. Несмотря на закончившийся дождь, все вокруг было серым: и небо, и земля под ногами.

Лука добрал до покосившейся скамейки. Он достал акварель и стал рисовать.

Никто не видел, как Лука замешивал краски и как водил кистью. Все прятались по домам.

Только небо и река любовались работой Луки. И только в них отражались яркие краски его холста.

– Радуга! Радуга! – слышались детские голоса.

Одна за другой открывались скрипучие калитки дворов: дети бежали к высокому берегу. Они не замечали луж, а шлепали по ним босыми ногами, заставляя звонкие капли разлетаться во все стороны.

На берегу дети останавливались и с восторгом смотрели на радугу, которая гигантским коромыслом разворачивалась над их миром. Она брала начало там, где стоял их маленький хутор, и заканчивалась где-то далеко на другом берегу реки – там, где обитали большие города. Все вокруг было залито ярким светом...

Тучи рассеялись, и взрослые вышли из домов. Они направились по своим делам, старательно обходя грязь и лужи. Взрослые напряженно смотрели под ноги, боясь испачкать, или, чего доброго, промочить обувь. Никто из них так и не увидел радугу.

Лука открыл словарь, долго вчитывался, а потом перенес на холст следующее: «Атмосферное, оптическое и метеорологическое явление».

«Это для взрослых, – подумал он. – Взрослые так любят, чтоб у всех картин были названия!»

Записная книжка Луки пополнилась новыми словами: «Взрослые знают, что радуга – это атмосферное, оптическое и метеорологическое явление, наблюдаемое как спектр видимого излучения при освещении ярким источником света капель воды. Дети не знают этого – им просто красиво».

Лука прочел написанное, задумался и дополнил: «Взрослые смотрят под ноги и поэтому редко падают. Дети забывают смотреть под ноги и поэтому часто летают во снах».

10

Женщина вошла в спальню. Она сняла косынку. Смахнула упавшую на лоб прядь волос. Развязала передник. И подошла к зеркалу.

– Устала, – вздохнула она, глядя в отражение.

В соседней комнате спали ее ребяташки. Она уложила своих сорванцов: троих мальчиков и девочку.

– Скорее бы они выросли! Станет полегче, – подумала женщина.

Дети были совсем маленькие. Старшим близнецам – по шесть. Среднему – четыре. А девочке не было и года.

Весь день женщины был соткан из готовки, стирки, уборки, работы в огороде. В короткие перерывы она переводила дух: мазала зеленкой коленки, чинила поломанную куклу, разнимала поссорившихся братьев. А потом снова принималась за работу.

Вечером она наполняла большое корыто водой и отмывала в пенной воде своих чумазых детей, набегавшихся за день по большому деревенскому двору. Перед сном она расчесывала каждому непослушные кудри. Дети любили приготовления ко сну. Мама была рядом. Она пела. И в свете ночника ее образ был таким красивым! Было хорошо, спокойно и тепло. Хотелось, чтоб вечер длился вечно. Но сон брал свое. Ласковый голос мамы уносил куда-то далеко. Дети засыпали...

Малыш никак не мог уснуть. Он закрыл глаза, чтобы мама не заметила, что он не спит. Ведь она так устала! Он слышал, как она встала, как сняла косынку и смахнула упавшую на лоб прядь волос. Слышал, как развязала передник и подошла к зеркалу.

Не дыша, чтоб мама не заметила, малыш подошел к ночничку, взял лист бумаги, карандаш и принялся рисовать.

– Что ты рисуешь? – спросил Лука.

– Маму, – шепотом произнес малыш.

– Красивая, – глядя на лист бумаги, сказал Лука.

– Очень, – подтвердил Внутренний Голос.

Женщина всматривалась в отражение в зеркале.

«Неужели это я?! Где та звонкая красавица, которую я помню?! – с досадой думала она. – Вот седая прядь, – женщина провела по волосам. – А вот морщины, – ее пальцы скользнули по лицу. – И губы совсем обветрились! А кожа! От белого лица не осталось и следа! Надо прятаться от солнца!»

Женщина отвернулась от зеркала.

– Совсем не красивая! – отчаянно произнесла она.

– Мама, ты с кем разговариваешь?

На пороге спальни стоял малыш. В руках он держал лист бумаги. Он протопал босыми ногами по деревянному полу, забрался к маме на колени.

– Ты почему проснулся? – женщина ласково обняла малыша.

– Чтобы нарисовать тебя и повесить твой портрет над кроватью!

– Почему меня?

– Потому что ты самая красивая!

С этими словами ребенок протянул маме лист бумаги, на котором незамысловато и скудно были нарисованы палочки, кружочки и загогулины.

Женщина с любовью посмотрела на рисунок.

«Вот мои руки. Кажется, в них гребень, которым расчесываю перед сном детей, – подумала она, глядя на две зигзагообразные линии. – Вот глаза – два аккуратно выведенных кружочка. А это я улыбаюсь – дугой-подковой через весь рисунок».

Женщина улыбнулась и поцеловала малыша, который уже крепко спал в ее объятьях.

– Он прекрасен! – шепнула она.

– Прекрасен! – согласился Лука. Ведь слово это подходило и к рисунку, и к запечатленному на нем образу матери, и к автору портрета, и к моменту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.